

ДЕФИЦИТ КАК ФОРМА ВЛАСТИ

Аннотация. *Анализируется не дефицит на товары или услуги, а более широкое представление о дефиците как социальном феномене современности, обусловленном ведущими способами и стилями жизни человека, захваченностью последнего Интернетом и различными средствами мобильной связи. Показывается связь подобного дефицита с формами власти и попытками человека понять, что происходит. Сравняются культурные модели власти и общества России и Запада. Обсуждается концепция “теория заговора” и показывается, что согласованность действий разных социальных субъектов строится не на основе этой теории, а направляется действием метанарративов и умения договариваться с другими. В статье реализована методология сравнительного анализа, в том числе культурно-исторического, а также виртуальный внутренний диалог как вид мыслительного эксперимента. В результате удастся показать, что обычный дефицит в современной культуре сменяется на новый вид дефицита, буквально порабащивающий человека, лишаящий его свободы; что большую роль здесь играет Интернет и формы мобильной связи; что за всем этим стоят более изощренные способы управления и власти, различающие у нас и на Западе.*

Ключевые слова: *дефицит, власть, интернет, мобильная связь, свобода, личность, субъект, культура, общество, современность*

Сегодня дефицит чаще всего понимается экономически: товарный дефицит, как превышение спроса над предложением, бюджетный – превышение расходов над доходами и т.п. Однако россияне более старшего возраста не обманешь научными определениями, они на собственном жизненном опыте знают: дефицит – это чуть ли не главная черта социализма, как говорил Воланд «что же это у вас, чего не хватишься, ничего нет». Не хватало нужных товаров, информации, общения, были недоступны поездки за границу, карьерное продвижение за «черту номенклатуры»; интеллигенции и диссидентам казалось, что не хватало самой свободы. На поверхности сознания дефицит, а глубинная сущность иная – привычный российский способ управления массами, двойная граница. С одной стороны, каждый знал, что ему положено, с другой – разрешая гражданину заглянуть за границу положенного (ну там, повезло – поездка за границу, быстрее, чем ожидали, подошла очередь на автомобиль или квартиру, выкинули дефицитный товар) власть поощряла, правда, держа на коротком поводке.

В настоящее время, кажется, что по сравнению с относительно недавним дефицитным прошлым наступил настоящий земной рай. В магазинах товаров Монбланы; автомобиль на автомобиле; уже прохожему из-за машин некуда ногу поставить; из-за границы можешь хоть не вылезать; квартиры продаются как апельсины – были бы деньги; за хорошими книгами не надо гоняться и сдавать макулатуру (и такое издание и другое, продавцы так и заглядывают в глаза); общаться в Интернете можешь с утра до самой ночи (можешь и ночью); наконец, безграничная свобода, хочешь, ругай на своем сайте правительство, хочешь – «дермокра-тов» и Латинину на «Эхо».

Все прекрасно, за исключением некоторых проблем. Товаров столько, что не найдешь нужного: ищешь-ищешь, голову сломаешь, а того, что нужно почему-то нет. Боже, опять дефицит, но, конечно, иной. Купил свою машину, так и хочется гоголем промчаться по московским улицам, но не тут-то было – сплошные пробки, приходится плестись подобно дохлой собаке. Вроде опять дефицит, но какой-то странный. Квартиры, конечно, продаются, но для обычного честно работающего

москвича они мало доступны: цены так и кусаются. Можно, правда, взять ипотеку, вон сбербанка зазывают и соблазняют, но ипотека, известно – кабала и на много лет. И вроде бы нет дефицита квартир, и как бы он есть, в плане реальной доступности этой важной для семьи услуги. Книг, действительно, много, но и стоят они немало, а главное, зачем их читать, когда есть телевидение и Интернет. Свобода, безусловно, наше завоевание, вот только непонятно, что с ней делать, более того, оказывается, что жить раньше было проще и понятнее, чем сегодня на полной свободе.

Например, чем, как не показателем свободы является наше общение в социальных сетях: в какой хочу сети в такой и регистрируюсь, с кем хочу, с тем и буду дружить. И вот у нас уже почти 200 приятелей в Интернете. Со всеми нужно общаться, кого-то выслушать и быстро ответить, с кем-то поделиться новостями, а кого-то одернуть. Не успел оглянуться, день уже прошел, работа не сделана, а все равно не со всеми успел сегодня пообщаться. Кажется, что я уже и не принадлежу сам себе. То мобильник звонит, нужно ответить, то сам звонишь приятелям, то в Интернете сидишь, общаешься. Общаешься, общаешься, отвечаешь, отвечаешь, черт подери, совсем жить некогда, уже и себя не помнишь. Где же эта самая свобода! Все наоборот, все тебя хотят, всем надо отвечать, не вздохнуть, не охнуть. Страшный, жуткий дефицит свободного времени, времени лично для себя.

В принципе любой человек стал для нас доступен, пусть он живет хоть на другой стороне земного шара (зайду в Интернет и наберу его адрес, могу даже его видеть в Скайпе). Но вот беда, и мы стали доступны для многих. Получается, что мобильная связь, телефон, Интернет как бы лишили нас свободы. Теоретически я, конечно, могу все отключить. Но могу ли реально? Как я могу оборвать все связи с другими людьми, со своими друзьями. Они меня не поймут и не простят. Вот тут я пару дней не появлялся в facebookе, так тут же несколько человек спрашивают: «что с тобой, не случилось ли что-нибудь, не заболел ли ты». С одной стороны, приятно, с другой – как-то страшно стало, как будто я в паутине и меня все время дергают, удостоверяются – на месте ли, такова ли какой должна быть, не смылась ли. Вот уж точно, паутина: муха в паутине – это я, а кто

паук? Вот в чем вопрос. Может быть, это заговор такой – лишить меня свободы, заставить быстро-быстро общаться, чтобы я не мог подумать, что со мною происходит?

Почему я говорю «быстро-быстро», а потому, что тут вдруг понял, что *скорость* – чуть ли не главная черта нашего времени. Если не спешить, ничего не успеешь, одних друзей в трех сетях 200 человек, а еще звонки, поездки на работу и с работы, да и сама работа, да семья. Лечу на скоростях, где уж тут думать глубоко, да и вообще думать. Кроме того, хочется получить отклик и от того и от другого. А как его получить, если с каждым будешь рассусоливать, вникать в его проблему, стараться понять. Нет, на скоростях все это не годится, это излишество. Что же делать? Вроде бы безвыходное положение. Ничего подобного, я уже давно понял: вместо себя, такого медленного и все же склонного думать, я могу послать второе свое Я, быстрое, креативное, думающее буквально на лету, и главное, привлекательное для моих друзей. Я ведь знаю, что им нравится, что может вызвать отклик. Посылаю в Интернет, протискаю в мобильник это мое креативное Я, и точно: один, второй, много откликов. Ура, я общаюсь, реализую себя.

Правда, как-то задумался, а себя ли реализую? Если положить руку на сердце, приходится признать – мое подлинное я осиротело, оттеснено на периферию креативным Я, совсем уж не может себя реализовать. И не стал ли я циничным, посылая вместо себя какого-то наглого креативного субъекта, картонную копию (дубля) своего подлинного Я. Да, но все мои друзья, уж я точно знаю, посылают таких же дублей. Нет, нет, долой сомнения, они посылают мне навстречу не дублей, а себя. А так называемое мое подлинное Я, вовсе не Я, это вероятно, ностальгия по моей прежней медленной жизни. И так, вперед, не задумываясь.

Но вернемся к более строгому дискурсу и жанру. И так, один дефицит сменился другим, может быть, не столь очевидным, но, возможно, более жестким. Не означает ли это одновременно, что сменился тип власти и управления массами? Точнее, не столько массами, сколько популяциями и сообществами, которые тут же и кристаллизуются. Появилась новая сеть или сайт, и вокруг них начинает складываться сетевое сообщество, стал

выходить на свет новый журнал, и скоро появляется новая аудитория читателей. Теперь о власти и социальном управлении. Обычно мы их опознаем относительно *субъектов власти и управления* (царь, президент, менеджер и пр.).

Оглядываем нашу панораму, плацдарм власти и управления в поисках соответствующих субъектов. Ау, ау, где вы субъекты власти и управления! Что-то не видно никого. Но такого, по идее, быть не может. Как это власть без царя или президента, управление без управляющего?

Парадоксально, но современная власть – это власть без субъектов власти, а управление, часто, но не всегда, без субъектов управления. Так, по мнению Ханны Арендт, «власть никогда не является собственностью индивида, а принадлежит группе и существует до тех пор, пока группа сохраняет свое единство. Люди – уникально коммуникативные существа, и именно благодаря их способности разделять с другими мысли и отношения поддерживается их способность властвовать и подчиняться. Для сторонников этой модели власть входит в систему ценностей, которые конституируют идентичность, равно как и возможность деятельности социальных агентов»¹. А Мишель Фуко предлагает вообще отказаться от традиционного понимания власти, предлагая рассматривать ее как дискурс. При этом власть понимается им как сеть властных отношений, намерений и стратегий, в которых, как ни странно, нет субъекта.

«Под властью, – писал М.Фуко, – мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действительности, стратегии, общий абрис или же институциональ-

ная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства»².

Объясняя лаканисту-психоаналитику Миллеру идею «власти без субъекта» и отвечая ему на сомнения о том, что принцип бессубъектности ведет к серьезным проблемам при переходе в практическую плоскость, где с неизбежностью встает вопрос, кто сражается и против кого, М.Фуко замечает следующее. «Конечно же, это-то меня и беспокоит. Я не очень понимаю, как из этого выбраться. Но, в конечном счете, если рассматривать власть в терминах отношений власти, это позволяет, мне кажется, схватить – гораздо лучше, чем в каких бы то ни было иных теоретических построениях, – то отношение, которое существует между властью и борьбой, и в частности классовой борьбой... Не существуют непосредственно данных субъектов, один из которых был бы пролетариатом, а другой буржуазией. Кто борется против кого? Мы все боремся против всех. И в нас всегда еще есть сто-то, что борется против чего-то в нас же самих»³. «Там, где есть власть, есть и сопротивление, и все же, или скорее: именно поэтому сопротивление никогда не находится во внешнем положении по отношению к власти... точки сопротивления присутствуют повсюду в сети власти... существует множество различных сопротивлений, каждое из которых представляет собой особый случай... Подобно тому, как сетка отношений власти в конечном счете образует плотную ткань, которая пронизывает аппараты и институты, в них не локализуясь, точно так же рой точек сопротивления пронизывает социальные стратификации и индивидуальные единства»⁴. Звучит парадоксально, тем не менее, эти парадоксы мне кажутся плодотворными. И чтобы в этом убедиться, рассмотрим, хотя бы на уровне постановки проблемы, вопрос о власти государства.

О государстве мы нередко говорим как о властном субъекте: государство против общества, тоталитарное государство, распространившее свою власть на все стороны жизни человека, об-

¹ Алексеева Т.А. Власть // НФЭ. Т.1. М., 2000. С. 418.

² Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 192.

³ Там же. С. 367.

⁴ Там же. С. 197.

щество, экономику и т.п. Но спрашивается, кто этот субъект? Президент, Дума, Конституционный суд? Достаточно так поставить вопрос, чтобы его проблематичность стала ясна. Может быть тогда, чтобы увидеть власть государства, нужно посмотреть, кто управляет страной и в стране? С этим, однако, тоже проблемы. Кто сегодня управляет в стране, совершенно не понятно. Даже президент признает, что система исполнительной власти пробуксовывает, и в ней необходимо навести порядок.

Для нашего исследования представляют интерес и высказывания о власти, прежде всего российской, известного философа Валерия Подороги. «Государство, – утверждает он, – как и власть (имеется в виду та или иная “группа” или “команда”, находящаяся в данный момент “во власти”) вторичны, сами лишь элементы гражданского общества и не имеют без него самостоятельного значения... с одной стороны, нам недостает гражданского общества, то есть недостает нас самих в качестве граждан, а с другой, нам всем “достаёт” слишком много власти, которая привычным образом концентрируется в руках довольно узкого круга чиновников, олицетворяющих собой исполнительную власть... Власть в общественном сознании оказывается всегда тем, что кому-то принадлежит, род собственности. И как следствие: если у тебя есть власть, то кто-то ее дал тебе или ты ее украл (ведь всякая собственность – всего лишь кража)... Нет сомнения в том, что захват собственности есть сегодня, вероятно, один из наиболее эффективных способов проявить волю к власти. Повсюду группы, корпорации, союзы – где главную роль играют чиновники разных уровней, и в основе их временных союзов лежит одно – раздел собственности... Интересы власти всегда остаются теми же самыми: поиск объектов захвата и применения силы. Цели власти – всегда власть. И только гражданское общество в силах наделять власть определенным смыслом и целями, выходящими за пределы ее «частных» интересов. Власть бесцельна, когда находится вне общественного контроля... Власть, конечно, не просто неморальна, а аморальна по определению. Причем этот аморализм власти вовсе не может быть истолкован как нечто негативное и опасное, разрушительное, напротив, часто аморализм, или

так называемый прагматизм власти, позволяют ей действовать в необходимом для данной ситуации ключе, принимать правильные решения... Главной причиной того, что власть остается закрытой и “тайной”, является ее нежелание раскрывать свои ресурсы. Действительно, что есть власть без ресурсного обеспечения (материального, информационного, символического и пр.) – вот где собираются все тайны власти... Анонимность и персонификация – это почти одновременные действия власти по прикрытию своих истинных целей и расчетов. Персонификация, или понятный, характерологический образ власти, имел ту открытость, которой “покупалось” массовое сознание общества на рубежах его драматической трансформации 90-х годов. Сегодня антропология власти изменилась. Анонимность новой власти поддерживается самим характером принятия решения: пассивно-выжидательной тактикой»⁵.

Как были устроены власть и управление в XX столетии? Есть идеологические сценарии (например, построения социализма и коммунизма, утверждение, что социалистическое государство самое правильное и справедливое, что революция поставила у власти КПСС и вождей, которые не ошибаются и ведут страну к заданной цели и прочее); построены механизмы реализации этих сценариев или внешнего следования им; в рамках данных сценариев и механизмов действуют властные субъекты (начиная от генерального секретаря партии и директора завода, кончая секретарем партийной ячейки и начальником участка в цехе завода).

Внешне (например, в форме положений об организационной структуре) и сегодня действуют разные субъекты власти и управления. Но, как правило, больше на бумаге, чем в реальности. Мы видим, что наш президент объявляет себя субъектом все новых и новых «управляющих контуров» (один из последних – «председатель Совета по науке и образованию», призванного руководить реформой РАН), однако, реально и власть и управление распределены по разным российским ведомствам и институтам. В последних они и функционируют по своим законам. Более того, судя по характеру многих решений, начиная

⁵ <http://index.gdf.ru/zournal/cont16.html>.

от «реформы» нашей промышленности, кончая вступлением во ВТО, «объемлющим контуром управления» выступают даже не российские структуры и организации, а транснациональные (финансовый мировой бизнес и корпорации). Но кто, спрашивается, принимает данные решения, кто их субъект на самом высоком последнем уровне? Можно ли опознать «паука», который держит нас в своей паутине?

Может быть, Обама, или Джорж Сорос? Нет, скорее бессубъектная структура, «социальная ризома»⁶, живущая, не только на людях и формальных субъектах управления, но также на различных международных и национальных институтах и связях. Эта структура и организм (бог знает, как его можно назвать, назовем условно «Финансово-корпоративным солярисом») заинтересованы в исчезновении национальных границ, формировании мирового хозяйства и экономики, свободном передвижении капиталов и других ресурсов, правильном и мирном, с его точки зрения, поведении людей. А поскольку в современном мире миллионы и миллионы людей не в состоянии себя прокормить или жить достойно (беженцы, безработные, старики, дети, просто не работающие и т.д.) и в будущем число этой категории в связи с развитием технологии и робототехники, вероятно, достигнет двух-трех миллиардов, постольку Финансово-корпоратив-

ный солярис готов делиться, отстегивая от своих прибылей значительную долю.

Возможно, заинтересован этот монстр и в том, чтобы мы с вами не понимали, что происходит на самом деле (такими олухами легче управлять), и в том, чтобы верили в мировые заговоры (так легче отводить от себя догадки), и в том, чтобы мы сидели в Интернете день и ночь. Когда мы бежим все быстрее и быстрее, изо всех сил стараемся быть креативными, посылаем вместо себя пустые дубли-отклики, то естественно вписываемся в мировой процесс становления Финансово-корпоративного соляриса, поддерживаем его. Но, конечно, не на стороне хозяев этого процесса, а того антропологического субстрата и массы, которые унавоживают подобное становление. Финансово-корпоративный солярис растет на международной торговле и разделении труда, на экспансии западных технологий и производств, на распределении и потреблении созданной продукции, но не меньше на нашем участии во всем этом. Последнее же предполагает, что включенные в эти процессы индивиды должны действовать как бы автоматически, не размышляя над смыслом, целями и направлением движения, в которое они включены. Поскольку, однако, у людей остается много свободного времени и они склонны все же иногда думать, постольку важно отвлечь их от этого опасного времяпрепровождения. Вот здесь оказываются незаменимыми и Интернет с его развлечениями, и скорость, не позволяющая остановиться и задуматься, и кративность, тоже как эрзац настоящего творчества и мышления.

Современный дефицит, конечно, не только прямой результат этого становления, он вызван, наведен и рядом других обстоятельств. Здесь и взрыв в развитии современных технологий, и кризис либерально-демократических институтов, и еще что-то неуловимое, витающее в мировом пространстве. В зоне ближайшего мирового технологического и семиотического развития, очевидно, сложились такие образования, которые вызвали к жизни и Финансовый солярис, и Интернет, и терроризм, и массовую миграцию, и новый механизм бессубъектной власти и управления.

Если наш возможный оппонент очнется от паралича наплывающих мыслей и возражений, то в этом месте он обязательно должен вступить

⁶ **Ризома** – ключевое понятие философии посмодернизма, введенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. Наглядным образом для неё выступает запутанная корневая система растения. Согласно Делёзу и Гваттари, у ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода. Они называют следующие основные свойства ризомы: (1) связь, (2) гетерогенность, (3) множественность и др. По мнению авторов, ризома способна порождать несистемные и неожиданные различия, которые невозможно противопоставить по наличию или отсутствию некоего признака. Ризома включает в себя линии членения, «сравнительные скорости» движения по которым составляют её организацию. Связи линий ризомы образуют так называемое «плато» — временную зону устойчивости в её постоянно пульсирующей конфигурации. По толкованию М. А. Можейко, «ризоморфные среды обладают имманентным креативным потенциалом самоорганизации» и могут быть названы синергетическими. У. Эко, выстраивая мир романа «Имя розы» как «пространство догадки», опирался на понятие ризомы

^h<http://ru.wikipedia.org/wiki/>

%D0%A0%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BC%D0%B0

в полемику. «Ну вот, скажет он, опять мистика. Какая-то социальная ризома, монстр, а ведь принимают решения конкретные люди, руководящие конкретными организациями и институтами. Например, когда в России началась перестройка, то самые разные западные структуры (военные, дипломаты, главы правительств, финансовые институты, крупные корпорации, общественные организации, даже отдельные предприниматели) действовали вполне согласованно, иначе бы им не удалось в столь короткий срок «поставить нас на колени», превратив в сырьевой и потребительский анклав запада. Конечно, был заговор и централизованное социальное действие, что бы вы там не говорили по поводу моих вмененностей и страхов. Кто замышлял и руководил этим заговором? Думаю, настоящие хозяева мира – владельцы транснациональных корпораций, финансовые гении, зависящие от них государственные деятели. Где они собирались и как планировали свою работу? Так они вам скажут и покажут! Естественно, все делалось тайно, а в СМИ нам вешали на уши лапшу, для прикрытия».

Кажется, что на это трудно что-нибудь возразить. Но все же попробуем. Сначала рассмотрим один исторический случай. Начиная с IX века, в западной Европе идет борьба за власть между церковью и светской властью. С одной стороны, именно папа и кардиналы выступали посредниками между христианами и Творцом, представляли Последнего на земле, с другой – короли и императоры Западной Европы в VI-XI вв. считались «Христовыми наместниками», сакральными фигурами, религиозными вождями своего народа; благодаря помазанию в особенности император воспринимался как высший духовный руководитель всех христиан, которого не смел судить ни один человек, но который сам судил всех людей и отвечал за них на Страшном суде⁷. Более того, в этот период под властью королей, императоров и крупных феодалов находились западное христианское духовенство и большая часть церковной собственности. Светские власти не только «контролировали земли и доходы церкви, но и назначали на должности епархиальных архиереев

и других, находившихся на их земле угодных им лиц, часто из числа близких родственников. Эта власть раздавать церковные должности (бенефиции) часто оказывалась весьма прибыльной, так как этим должностям сопутствовала обязанность получать доходы и службы с земельных владений при них»⁸.

Ситуация стала быстро меняться в X и начале XI в., когда началось движение за объединение множества существовавших самостоятельно монастырей и приходов, а также борьба за очищение церкви от феодальных и местных влияний и неизбежно сопутствующей им коррупции (Но еще во второй половине IX века папа Николай I пытался утвердить власть не только над архиепископами и епископами, но и над «императорами, заявив, что короли не имеют права судить священников и что священники не подлежат юрисдикции королей; впрочем, тогда эта декларация не изменила положения дел»)⁹.

Объединение приходов и монастырей и других церковных сообществ и организаций позволило папам объявить войну светской власти. Начал ее папа Григорий VII, провозгласивший юридическое верховенство папы над всеми христианами и светскими властями, а чтобы его слова не расходились с делом, он тут же низложил императора Генриха IV. Одновременно Григорий VII приступил к реформированию и самой церкви, например, он «приказал всем христианам бойкотировать священников, живших в браке или внебрачном сожителстве, и не принимать их услуг в отношении таинств»¹⁰. Поскольку христианская церковь не имела собственной армии, свои претензии на верховную власть она пыталась утвердить, в частности, на основе права. В 1075 году папа Григорий VII, «заглянув в собственную грудь», написал документ под названием «Dictates Rarae» (Диктаты папы), из которого имеет смысл привести несколько положений:

«1. Римская церковь основана одним только Господом.

2. Римский епископ один по праву зовется вселенским.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ Там же. С. 102.

⁷ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 96.

3. Он один имеет право низлагать и восставлять епископов.

7. Ему одному позволено создавать новые законы в соответствии с нуждами времени.

9. Одному лишь папе все князья должны целовать ноги.

11. Он может низлагать императоров

18. Никакой его приговор не может быть никем отменен, и только он один может отменять любые»¹¹.

Начался затяжной конфликт светских властей с церковными, не ограничившийся одними письмами: в ход пошло оружие, проклятия, отлучение от церкви. Например, Иоанн Солсберийский в трактате «Norman Anonymous», направленного против партии папы, пишет, что и «королевское достоинство Христа, и его святость прямо передаются королям через коронацию. Как викарий, есть наместник, Христа, король сам божественен и является священником своего народа. Он даже может совершать таинства, после коронации – такова традиция в Византии, у франков и англосаксов – император или король входил в алтарь и готовил хлеб и вино для своего собственного причащения. Король также благодетель и спаситель своего народа, поэтому он может прощать грехи»¹².

Успех в борьбе пап с королями попеременно был то на одной стороне, то на другой, поскольку обе партии имели своих многочисленных сторонников, которые, однако, сами часто меняли свои взгляды, ведь и христианская церковь представляла собой тело Христово, но и светская власть была сакральна. «В итоге на папам, ни императорам не удалось настоять на своих изначальных притязаниях. По Вормскому конкордату 1122 г. император гарантировал, что епископы и аббаты будут свободно избираться одной лишь церковью, и отказался от присвоения им духовных символов кольца и посоха. Со своей стороны папа согласился на право императора присутствовать на выборах и вмешиваться там, где возникал спор»¹³. За этим первым шагом последовали и другие, в ходе которых церковь и светская власть постепенно разграничивали компетенции и определяли гра-

ницы собственных институтов. Другой важный результат – формирование канонического права и по его образцу права светского государства.

Чтобы понять, почему церковь и светская власть пошли на компромисс, нужно учесть структуру средневекового общества. Оно состояло из многих сообществ (племенных союзов, дворов королей и других крупных феодалов, христиан-монахов, мирян, связанных феодальными отношениями, горожан и т. д.), каждое из которых отстаивало свою самостоятельность. Средневековое общество было обществом равных, перед Богом, а также, отчасти, в силу договорных отношений. Это общество признавало разных социальных субъектов (церковь, светские власти, города, цеха и т. д.). Потому и не могли в рассмотренном конфликте победить ни церковь, ни светские власти, что средневековое общество было обществом многих равных перед Богом, общество не мыслящее деспотизм в качестве нормы социальности. По сути, начиная с XI-XII вв. средневековое общество пытается **конституировать себя на основе права** и механизмов, напоминающих собой демократические.

Образцом при этом выступала христианская церковь. Так, несмотря на единовластие папы, сам папа избирался кардиналами, в свою очередь, епископ избирался соборным капитулом, т. е. канониками и другими клириками, аббат избирался монахами монастыря. «Хотя законодательство было прерогативой пап, они все же в XII-XIII вв. чувствовали потребность в периодическом созыве вселенских соборов, чтобы те помогали им в законодательном процессе. Это и были первые законодательные собрания Европы»¹⁴. В формировании подобного общества колоссальную роль сыграли монастыри, университеты, средневековая философия и теологи. Церковь представляла собой общество, с одной стороны, отстаивавшее свободу своих членов и более мелких сообществ, с другой – выстраивавшее отношения между ними на демократической средневековой основе (выборность всех основных должностей, обсуждение на вселенских соборах, обсуждение на философско-теологическом уровне, сложная иерархическая, опирающаяся на право структура управления).

¹¹ Там же. С. 102-103.

¹² Там же. С. 264-265.

¹³ Там же. С. 104.

¹⁴ Там же. С. 203.

Как пишет Г.Сайз, «при такой тонкой сверхразветвленной системе управления, как в средневековой Церкви, консенсус решал абсолютно все»¹⁵.

«Подводя итог, – пишет Берман, – можно сказать, что новый смысл права и новые виды права, которые возникли в Западной Европе на волне Папской революции, нужны были как средства для достижения следующих целей: 1) контроль центральной власти над разбросанным населением с разнообразными групповыми привязанностями; 2) поддержание отдельного корпоративного самосознания духовенства и добавление нового, юридического измерения к его классовому сознанию; 3) регулирование отношений между соперничающими церковными и светскими владениями; 4) возможность для светских властей целенаправленно и программно претворять в жизнь заявленную цель – обеспечить мир и справедливость в своей юрисдикции; 5) возможность для церкви целенаправленно и программно претворить в жизнь свою заявленную цель – переделать мир к лучшему»¹⁶.

Что же можно понять из этого исследования? Наверное, наш оппонент продолжал бы утверждать, что компромисс достигнут в результате заговора, но вот на вопрос, кто был субъектом этого заговора, ответить не смог бы (вряд ли стоит серьезно обсуждать ответ, что это был сам Сатана). Мы склонны понять средневековый компромисс иначе. Многочисленные субъекты Западной Европы не только научились отстаивать свою свободу и суверенитет, но и умели договариваться друг с другом, идя на компромиссы. Договаривались главным образом на основе метанарративов типа «переделать мир к лучшему», «обеспечить мир и справедливость», «жить по-христиански» и др. Именно эти метанарративы обуславливали согласованность действий разных субъектов, заставляя этих субъектов идти в одном направлении, как будто за ними кто-то стоял.

Можно предположить, что и в случае российской перестройки и реформ работал тот же механизм. Ключевые западные субъекты (и европейские, и американские, которые уже давно задают тон в мировой хозяйственной и экономической

жизни) сумели достаточно быстро договориться по поводу России. Этот «сговор» направлялся не заговором неких таинственных сил, а метанарративами западной культуры, включающими, с одной стороны, либерально-демократические ценности и императивы, с другой – вмененности, сложившиеся в долгом противостоянии двух лагерей (социалистического и капиталистического). Например, для Запада было очевидно, что Россия представляет собой угрозу западной свободе и существованию. Что для ликвидации этой угрозы необходимо демонтировать советское государство, партию, силовые структуры и промышленность. Что в этом случае откроются огромные возможности для западной экономики (новые источники сырья и рынки сбыта). Что победа в этой борьбе будет означать торжество западной культуры и идеологии. Подобные представления вовсе не нужно было внедрять силой, они были непосредственными убеждениями западного человека. Исходя из них, и договаривались многочисленные субъекты Америки и Европы, осуществляя экспансию в отношении России.

Интересно, что и в России, несмотря на вертикаль власти и традицию иерархического жесткого управления, там, где действуют разные субъекты, имеет место сговор на основе метанарративов. Другое дело, что он часто инициируется сверху властью, но, как правило, изменения разворачиваются и идут совсем не туда, куда власть задумала. За примерами не надо ходить далеко: последняя реформа образования и науки. Власть задумала её, с одной стороны, для получения дополнительных ресурсов (здания, деньги, высвободившиеся места), с другой стороны, в надежде повысить эффективность обеих областей. Но эгоистические российские чиновники воспользовались этой инициацией для решения своих собственных проблем. На удивление они действуют очень согласованно, как будто имел место не сговор, а настоящий заговор с целью уничтожить российское образование и науку. Требуется провести специальное исследование, чтобы понять на основе каких метанарративов они договариваются между собой и с властями. Но, судя по стилю действий (ложь и обман, нарушение законов, игнорирование рисков и последствий от принятых решений), эти метанарративы недалеко ушли от идеологем

¹⁵ Там же. С. 208.

¹⁶ Там же. С. 122.

и представлений большевиков. Безусловно, это не большевики-марксисты, а большевики новой формации, не верящие ни в бога, ни в черта, зато почитающие власть и деньги. Но тех и других роднит неприязнь (если не ненависть) к культуре и образованным людям, уверенность, что «человек человеку волк» и «война всех против всех» естественное состояние общества, желание любой ценой установить свой социальный порядок, культ силы, полная свобода от моральных и нравственных угрызений совести, которую они вообще-то и не признают.

Другой пример – всеобщая коррупция, переходящая в инновации и инвестиции. Кажется, что общего между коррупцией, буквально разъедающей государство, и инновациями и тем более инвестициями, направляемыми на развитие новых технологий? Чтобы понять данный тезис, приглядимся к нашей науке, инженерии и производству. Они крайне неэффективны: технологические цепочки разорваны, нет ряда ключевых специалистов и заинтересованности в труде, все больше реальное творчество и даже местами производство замещается имитацией. И самое страшное, что денежные вливания уже ничего не меняют: или деньги успешно распиливаются или просто проедаются. Власть понимает, что, если прекратить денежные вливания, то все просто остановится, а затем лавиной пойдут катастрофы, начиная от

технических, кончая социальными бунтами, которые, как известно, на Руси страшные. Под какой же маркой продолжать денежные вливания в науку, инженерию и производство, нельзя же публично признаться, что из страха перед катастрофами? Выход найден: все развиваем, создаем новое, наше знамя – инновации и инвестиции. А, по сути, замаскированная странная коррупция в форме государственной политики. Коррупция, поскольку ученым, инженерам и рабочим дается взятка с той целью, чтобы они продолжали делать то, что они делают, а не начинали думать, протестовали или выходили на улицу.

Мартин Хайдеггер в статье «Вопрос о технике» писал, что «где опасность, там вырастает и спасительное», что «существо техники таит в себе – чего мы всего меньше ожидали – возможные ростки спасительного», что для спасения нужно «усилием разглядеть существо техники, вместо того, чтобы просто оцепенело глазеть на техническое»¹⁷. Думаем, что этот совет годится и в нашем случае. Не стоит оцепенело глазеть на состояние российской жизни или рвать на себе волосы. Нужно стараться понять сущность происходящего. И поняв, правильно действовать. А там, что Бог даст. В истории нет гарантий и царских дорог, но есть поиск нового и труд. Последние же, как говорили классики, создали человека.

Библиография

1. Алексеева Т.А. Власть // НФЭ. Т.1. М., 2000. С. 418.
2. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 192.
3. <http://index.gdf.ru/zournal/cont16.html>.
4. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
5. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М., 1993. С. 235.
6. Жаровская И.М. Социальная культура народа и концепт государственной власти: проблемы соотношения // Право и политика.-2013.-7.-С. 915-918. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.7.7246.
7. Бронников И.А. Интернет как ресурс государства // NB: Проблемы общества и политики.-2013.-8.-С. 210-248. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.8.8999. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_8999.html
8. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Трансформация власти в процессе построения гражданского общества в России // NB: Проблемы общества и политики.-2013.-9.-С. 20-88. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.9.9053. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_9053.html

¹⁷ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М., 1993. С. 235.

9. Шиловская Н.С. Человек как субъект, бытие и бытие субъекта в истории и современности // NB: Философские исследования.-2012.-1.-С. 171-203. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_88.html
10. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Проблемы информационно-коммуникационного потенциала современного общества // NB: Проблемы общества и политики.-2013.-12.-С. 70-96. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.12.10537. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10537.html
11. Розин В.М. К пониманию оснований общественно-политического дискурса // NB: Философские исследования.-2013.-4.-С. 30-52. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.4.380. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_380.html
12. М.В. Попова, В.В. Савченко К осмыслению феномена «информационная культура». // Философия и культура.-2011.-3.-С. 25-37.
13. Рыбакова О.Б. Религиозный аспект легитимации // Политика и Общество. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.9306.
14. Алейников А.В., Осипов И.Д.. Власть и предпринимательство в России: опыт историко-культурного анализа институциональных траекторий. Статья 1. // Философия и культура. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10369.
15. Андреев И.Л. МОЗГ, ВРЕМЯ, ВЛАСТЬ: эволюция виртуальной реальности в реальную виртуальность // Психология и Психотехника. – 2013. – № 12. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.12.10051.
16. Попова А.Д.. Эволюция общественного сознания как фактор формирования гражданского общества // Политика и Общество. – 2013. – № 12. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10430.
17. И.В. Егорова. Ханна Арндт о массовой культуре // Педагогика и просвещение. – 2013. – № 2. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2306-434X.2013.2.9596.
18. Токарь Н.О.. Политическая социализация молодёжи в условиях демократизации российского общества // Политика и Общество. – 2013. – № 8. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.8792.
19. Карпович О.Г.. Демократия и демократизация в контексте нового миропорядка // Политика и Общество. – 2013. – № 8. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.9142.
20. Гончаров В.В.. Государственная власть: понятие и сущность // Политика и Общество. – 2013. – № 7. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.2466.
21. С.А. Никольский. Поэт и Власть (Заметки о восприятии Осипом и Надеждой Мандельштам «времени большевиков») // Философия и культура. – 2013. – № 6. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.6.8040.
22. Т. А. Пархоменко. Прелюдия сталинской эпохи: борьба за власть и выбор вождя в 1922–1925 годах // Исторический журнал: научные исследования. – 2013. – № 2. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.02.5.
23. В.М. Розин. Особенности общественно-политического дискурса // Политика и Общество. – 2012. – № 12. – С. 104-107.
24. Г.П. Хорина. Власть и демократия в русской культуре // Философия и культура. 2012. №12. С. 104-107.
25. А.В. Алейников. Структурные предпосылки конфликтной сопряженности бизнеса и власти: российский контекст // Политика и Общество. – 2012. – № 11. – С. 104-107.
26. Рубаник С.А.. Эрих Фромм о государственно-правовом развитии в современном глобализируемом мире // Политика и Общество. – 2013. – № 6. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.6.5993.
27. П.С. Гуревич. Реформа vs революция // Философия и культура. – 2013. – № 7. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.9059.
28. И. Д. Короева. Философия взаимодействия власти и народа // Политика и Общество. – 2012. – № 4. – С. 104-107.
29. Ф. К. Есиева. Эволюция высших органов государственной власти на завершающем этапе развития советской государственности // Политика и Общество. – 2012. – № 2. – С. 104-107

30. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Трансформация власти в процессе построения гражданского общества в России // NB: Проблемы общества и политики. - 2013. - 9. - С. 20 - 88. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.9.9053. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_9053.html
31. Уваров А.А. О роли государства в формировании гражданского общества // NB: Вопросы права и политики. - 2013. - 7. - С. 1 - 40. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.7.8782. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_8782.html

References

1. Alekseeva T.A. Vlast' // NFE. T.1. M., 2000. S. 418.
2. Fuko M. Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. M., 1996. S. 192.
3. <http://index.gdf.ru/zournal/cont16.xhtml>.
4. Berman G.Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. M., 1998.
5. Khaidegger M. Vopros o tekhnike // Vremya i bytie. M., 1993. S. 235.
6. Zharovskaya I.M. Sotsial'naya kul'tura naroda i kontsept gosudarstvennoi vlasti: problemy sootnosheniya // Pravo i politika.-2013.-7.-С. 915-918. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.7.7246.
7. Bronnikov I.A. Internet kak resurs gosudarstva // NB: Problemy obshchestva i politiki.-2013.-8.-С. 210-248. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.8.8999. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_8999.html
8. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Transformatsiya vlasti v protsesse postroeniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii // NB: Problemy obshchestva i politiki.-2013.-9.-С. 20-88. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.9.9053. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_9053.html
9. Shilovskaya N.S. Chelovek kak sub'ekt, bytie i bytie sub'ekta v istorii i sovremennosti // NB: Filosofskie issledovaniya.-2012.-1.-С. 171-203. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_88.html
10. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Problemy informatsionno-kommunikatsionnogo potentsiala sovremennogo obshchestva // NB: Problemy obshchestva i politiki.-2013.-12.-С. 70-96. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.12.10537. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10537.html
11. Rozin V.M. K ponimaniyu osnovanii obshchestvenno-politicheskogo diskursa // NB: Filosofskie issledovaniya.-2013.-4.-С. 30-52. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.4.380. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_380.html
12. M.V. Popova, V.V. Savchenko K osmysleniyu fenomena «informatsionnaya kul'tura». // Filosofiya i kul'tura.-2011.-3.-С. 25-37.
13. Rybakova O.B.. Religiozniy aspekt legitimatsii // Politika i Obshchestvo. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.9306.
14. Aleinikov A.V., Osipov I.D.. Vlast' i predprinimatel'stvo v Rossii: opyt istoriko-kul'turnogo analiza institutsional'nykh traektorii. Stat'ya 1. // Filosofiya i kul'tura. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10369.
15. Andreev I.L.. MOZG, VREMYa, VLAST'': evolyutsiya virtual'noi real'nosti v real'nyu virtual'nost' // Psikhologiya i Psikhotekhnika. – 2013. – № 12. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.12.10051.
16. Popova A.D.. Evolyutsiya obshchestvennogo soznaniya kak faktor formirovaniya grazhdanskogo obshchestva // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 12. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10430.
17. I.V. Egorova. Khanna Arendt o massovoi kul'ture // Pedagogika i prosveshchenie. – 2013. – № 2. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2306-434Kh.2013.2.9596.
18. Tokar' N.O.. Politicheskaya sotsializatsiya molodezhi v usloviyakh demokratizatsii rossiiskogo obshchestva // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 8. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.8792.
19. Karpovich O.G.. Demokratiya i demokratizatsiya v kontekste novogo miroporyadka // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 8. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.9142.
20. Goncharov V.V.. Gosudarstvennaya vlast': ponyatie i sushchnost' // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 7. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.2466.

21. S.A. Nikol'skii. Poet i Vlast' (Zametki o vospriyatii Osipom i Nadezhdoi Mandel'shtam «vremeni bol'shevikov») // *Filosofiya i kul'tura*. – 2013. – № 6. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.6.8040.
22. T. A. Parkhomenko. Prelyudiya stalinskoj epokhi: bor'ba za vlast' i vybor vozhdya v 1922–1925 godakh // *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2013. – № 2. – S. 104-107. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.02.5.
23. V.M. Rozin. Osobennosti obshchestvenno-politicheskogo diskursa // *Politika i Obshchestvo*. – 2012. – № 12. – S. 104-107.
24. G.P. Khorina. Vlast' i demokratiya v russkoj kul'ture // *Filosofiya i kul'tura*. – 2012. – № 12. – S. 104-107.
25. A.V. Aleinikov. Strukturnye predposylki konfliktnoj sopryazhennosti biznesa i vlasti: rossiiskii kontekst // *Politika i Obshchestvo*. – 2012. – № 11. – S. 104-107.
26. Rubanik S.A.. Erikh Fromm o gosudarstvenno-pravovom razvitii v sovremennom globaliziruемом mire // *Politika i Obshchestvo*. – 2013. – № 6. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.6.5993.
27. P.S. Gurevich. Reforma vs revolyutsiya // *Filosofiya i kul'tura*. – 2013. – № 7. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.9059.
28. I. D. Koroeva. Filosofiya vzaimodejstviya vlasti i naroda // *Politika i Obshchestvo*. 2012. №4. S. 104-107.
29. F. K. Esieva. Evolyutsiya vysshikh organov gosudarstvennoj vlasti na zavershayushchem etape razvitiya sovetskoi gosudarstvennosti // *Politika i Obshchestvo*. – 2012. – № 2. – S. 104-107
30. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Transformatsiya vlasti v protsesse postroeniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. - 2013. - 9. - С. 20 - 88. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.9.9053. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_9053.html
31. Uvarov A.A. O roli gosudarstva v formirovanii grazhdanskogo obshchestva // *NB: Voprosy prava i politiki*. - 2013. - 7. - С. 1 - 40. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.7.8782. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_8782.html